

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(1), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Сигал К. Я. Пунктуационный трансфер в художественном тексте / К. Я. Сигал // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 1. — С. 130—150. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-130-150.

Seagal, K. Ya. (2026). Punctuation Transfer in Literary Texts. *Nauchnyi dialog*, 15 (1): 130-150. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-130-150. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Пунктуационный трансфер в художественном тексте

Сигал Кирилл Яковлевич
orcid.org/0000-0001-9400-4587
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник,
отдел экспериментальных исследований речи
kjseagal@yandex.ru

Институт языкознания
Российской академии наук
(Москва, Россия)

Punctuation Transfer in Literary Texts

Kirill Ya. Seagal
orcid.org/0000-0001-9400-4587
Doctor of Philology,
chief research scientist,
Department of Experimental
Speech Research
kjseagal@yandex.ru

Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

© Сигал К. Я., 2026

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Предлагается описание пунктуационного трансфера и его типов на примере фактов переноса испанских вопросительных и восклицательных знаков, имеющих в русских художественных текстах. В качестве основного материала для исследования использованы прецеденты пунктуационного трансфера в прозаических и поэтических текстах XXI века, в качестве дополнительного — первые опыты пунктуационного трансфера в XIX веке. Актуальность исследования обусловлена тем, что в теории культурно-языкового трансфера почти не было уделено внимания иноязычным знакам препинания. Вследствие этого не были установлены факторы, побуждающие писателя или поэта использовать пунктуационный трансфер, а также типы включения иноязычных знаков препинания в художественный текст. Показано, что пунктуационный трансфер представляет собой намеренный перенос иноязычного знака препинания. Установлено, что в художественных текстах выделяются два типа пунктуационного трансфера, обладающие разным стилистическим предназначением. Показано, что первый тип применяется при пунктуационном маркировании реплики на иностранном языке, тогда как второй тип — при особой пунктуационной организации текста на родном языке. Отмечается, что первый тип пунктуационного трансфера характерен для прозаических текстов, а второй его тип — для поэтических.

Ключевые слова:

пунктуация; пунктуационный трансфер; вопросительный знак; восклицательный знак; художественный текст; стилистика.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This paper presents a description of punctuation transfer and its types using examples from the transference of Spanish question marks and exclamation points into Russian literary texts. The primary material for this study consists of instances of punctuation transfer found in prose and poetry of the twenty-first century, while additional data comes from early experiments with such transfers dating back to the nineteenth century. The relevance of this research stems from the fact that foreign-language punctuation has received little attention within the theory of cultural and linguistic transfer. Consequently, factors motivating writers or poets to employ punctuation transfer as well as typologies of incorporating foreign-language punctuation into literary works have not been adequately established. It is demonstrated here that punctuation transfer involves deliberate borrowing of foreign punctuation marks. Two distinct types of punctuation transfer are identified based on their stylistic function: one type applies when marking foreign language dialogue, whereas another type pertains to special punctuational organization within native-language text. It is noted that the first type predominates in prose, while the second type is more characteristic of poetic compositions.

Key words:

punctuation; punctuation transfer; question mark; exclamation point; literary text; stylistics

УДК 811.161.1*367+003.086

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-130-150

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.6. Языки народов зарубежных стран

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Пунктуационный трансфер в художественном тексте

© Сигал К. Я., 2026

1. Введение = Introduction

Как известно, в лингвистике XXI века возник целый ряд направлений, вызванных к жизни определенными закономерностями организации новейших художественных текстов. Таким направлением является *теория культурно-языкового трансфера*, призванная объяснить «процесс переноса знаний» посредством «анализа вкраплений, интерференций, гибридизаций, трансформаций» [Фещенко и др., 2016, с. 5]. Создание этой теории обусловлено «предъявлением билингвами двуязычных текстов как нового способа говорения и нового способа мышления» [Азарова, 2016, с. 303].

Конечно, теория культурно-языкового трансфера еще нуждается в уточнении своих ключевых понятий. Так, например, *трансфер* осмысляется здесь как более общее, когнитивно-культурное понятие по сравнению с лингвистическим понятием *интерференции*, хотя этот момент никак не «снимает» наследуемых из контактной лингвистики представлений о том, что интерференция отождествляется с отрицательным переносом и что она отличается однонаправленностью — из родного языка в иностранный [Колесниченко, 2013, с. 183—184]. В современном прозаическом или поэтическом тексте трансфер, будучи особой установкой речи, или речевым целеполаганием, художника слова (ср. тезис У. Вайнрайха о том, что «местом осуществления контакта являются индивиды» [Вайнрайх, 1979, с. 22]), принципиально не соотносится с ошибками и не имеет единой траектории действия. Трансфер в художественном тексте — это процесс и результат переноса языковых знаний, объективированный в иноязычном (на фоне контекста) показателе, в том числе в знаке препинания. В последнем случае можно говорить о пунктуационном трансфере.

По всей видимости, прецеденты, относящиеся к пунктуационному трансферу, оказываются во многом парадоксальными как для научно-лингвистического, так и для обыденного восприятия знаков препинания.

Во-первых, контрастная пунктуация нацелена на обнаружение различий между пунктуационными системами [Gallosa Camacho et al., 2023], а при освоении пунктуации иностранного языка идет непрерывная борьба с пунктуационными автоматизмами, сложившимися в письменной речевой деятельности на родном языке (ср. учение о пунктуационной интерференции [Сорокопуд и др., 2020]). Во-вторых, у носителей языка, не являющихся лингвистами, иноязычный знак препинания обычно вызывает либо недоумение, либо отторжение. В частности, когда носитель испанского языка «впервые знакомится с другими языками, он всегда с удивлением замечает, что там вопросительные и восклицательные знаки закрываются, но не открываются» [Millán, 2006, p. 89]. В дневниковой записи И. Н. Розанова от 18 ноября 1936 года сообщается, что в лозунгах, переведенных с русского языка на испанский (!), «по совету писателя Финка были сняты вопросительные знаки, перевернутые перед фразами» [Чуд, с. 597—598].

Однако, вопреки сказанному, пунктуационный трансфер, состоящий в намеренном переносе иноязычного знака препинания, то и дело документируется в художественных (и реже — в публицистических) текстах и тем самым становится пунктуационным фактом. Например, начиная с 1830-х годов в русской печати спорадически стали употреблять сначала испанский вопросительный (*¿...?*), а затем и восклицательный (*¡...!*) знак. В наши дни именно эти прецеденты пунктуационного трансфера являются наиболее востребованными в художественных текстах, причем как в прозаических, так и в поэтических. Можно полагать, что описание и объяснение данных пунктуационных фактов позволяет теоретически осмыслить пунктуационный трансфер как таковой и его типы, в чем и заключается цель настоящей статьи.

Актуальность исследования связана с тем, что, во-первых, в теории культурно-языкового трансфера почти не было уделено внимания иноязычным знакам препинания; во-вторых, в пунктуации художественного текста не было термина-понятия *пунктуационный трансфер*, способствующего вычленению соответствующего круга фактов и осознанию их как отдельного явления в пунктуационном маркировании; в-третьих, не были установлены факторы, побуждающие художника слова обратиться к пунктуационному трансферу; в-четвертых, не были выявлены типы включения иноязычных знаков препинания в художественный текст.

Научная новизна статьи состоит в том, что в ней, с одной стороны, заложены основы теории пунктуационного трансфера, а с другой стороны, раскрыты особенности трансфера вопросительного и восклицательного знаков испанского языка, выделяющихся по своему составу, форме и рас-

положению, в пунктуационную организацию новейших русских художественных текстов.

2. Материал, методы, обзор = **Material, Methods, Review**

Основным материалом для исследования являются прозаические и поэтические тексты русских художников слова XXI века, в которых запечатлены факты пунктуационного трансфера, а именно переноса испанских вопросительных и восклицательных знаков. Это, во-первых, две части романа Ю. Кузнецовой «Первая работа»: «Уроки испанского» (2016 год) и «Путешествие» (2017 год) [Куз, с. 5—267, 269—522], а во-вторых, три стихотворения Н. Азаровой 2005, 2007 и 2010 годов, включенные в сборник «Соло равенства» [Аз, с. 111, 147, 205].

В качестве дополнительного материала привлечены русские художественные и публицистические тексты XIX века, где получили отображение не вполне последовательные попытки трансфера испанского вопросительного знака. Это «Пестрые сказки» (1833 год) В. Ф. Одоевского [Од-1] и две заметки А. И. Герцена 1866 и 1867 годов, опубликованные в первой русской революционной газете «Колокол», издававшейся за границей [К-1, с. 1756; К-2, с. 1984].

Кроме того, для функционально-структурной характеристики вопросительного и восклицательного знаков в испанском языке задействованы аутентичные вопросительные и / или восклицательные высказывания, в основном приводящиеся как иллюстративные примеры в трудах современных исследователей испанской пунктуации [Корнева, 2017; Benavente Luna, 2005; Kattán-Ibarra et al., 2003; Millán, 2006]. Переводы этих испанских высказываний на русский язык выполнены автором данной статьи.

Разработка теории пунктуационного трансфера в художественном тексте потребовала обращения к таким методам исследования, как сопоставительный анализ аналогичных знаков препинания в разных пунктуационных системах, установление стилистической интенциональности в употреблении иноязычных знаков препинания, реконструкция языковой биографии писателя или поэта.

Поскольку к теоретическому осмыслению пунктуационного трансфера (но, безусловно, не к констатации самого этого явления [Азарова, 2016, с. 301—302; Рейсер, 1970, с. 177]) лингвисты лишь приступают, специальные публикации по данной проблематике отсутствуют. Однако стоит отметить, что в статье П. Гарднер-Хлорос и Д. Уэстона о переключении кода (code-switching) и многоязычии в литературе [Gardner-Chloros et al., 2015], где вовсе не затронута сфера пунктуации, высказаны ценные идеи, имею-

щие непосредственное отношение к анализу пунктуационного трансфера в художественном тексте.

Согласно этим исследователям, переключение кода в письменном режиме является «более “осозанным” (more ‘conscious’)», чем в устном [Там же, р. 187], а использование этого механизма в литературе «проясняет глубинные структуры и намерения (underlying structures and intentions), которые могут быть менее очевидны в одноязычном тексте» [Там же, р. 189]. В самом деле, пунктуационный трансфер производится не только осознанно, но и с определенным намерением, которое нуждается в апперцепции. Обсуждая переключение кода в поэзии, П. Гарднер-Хлорос и Д. Уэстон отмечают, что «в последнее время отсутствие коммерческой привлекательности у поэзии освободило ее от ограничений (from the constraints), с которыми сталкиваются авторы романов» [Там же, р. 188]. Пунктуационный трансфер в прозаических и поэтических текстах осуществляется, действительно, по-разному.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. К теории пунктуационного трансфера в художественном тексте

Объективно, то есть в плане соотношения пунктуационных систем разных языков, пунктуационный трансфер представляет собой перенос иноязычного знака препинания, тогда как субъективно, то есть в плане осуществления определенного действия в пунктуационном маркировании, — переключение пунктуационного кода. Пунктуационный трансфер предполагает фиксацию сознания писателя или поэта на иноязычности знака препинания и на его стилистическом предназначении. Пунктуационный трансфер не является заимствованием: он не обогащает репертуар знаков препинания в другом языке и остается фактом пунктуационного поведения конкретной языковой личности. Обычно к пунктуационному трансферу склонны те художники слова, в чьей языковой биографии имеется опыт владения иностранным языком или даже его изучения. Вместе с тем пунктуационный трансфер не выступает в их письменной речевой деятельности как особая константа, он применяется только при пунктуационной и / или стилистической необходимости.

Пунктуационному трансферу преимущественно поддаются такие иноязычные знаки препинания, которые относительно легко идентифицируются по своей принадлежности тому или иному языку и обладают значительной перцептивной выделенностью. Например, вопросительные и восклицательные знаки, состоящие из открывающего (в перевернутом виде) и закрывающего (в обычном виде) элементов, имеются только в одном

языке — испанском. Даже в таких близкородственных языках, как галисийский, каталанский, астурийский и португальский, эта пунктуационная инновация не прижилась [Верещинская и др., 2023, с. 21]. Почему же в испанском языке она сохраняется? Это нередко связывают с тем, что перевернутый элемент позволяет предсказать функциональный тип высказывания тогда, когда, не изменяя своей структуры, оно может быть повествовательным, вопросительным и восклицательным. Ср.: *El niño va al colegio solo*. ‘Ребенок ходит в школу один’; *¿El niño va al colegio solo?* ‘Ребенок ходит в школу один?’; *¡El niño va al colegio solo!* ‘Ребенок ходит в школу один!’ [Millán, 2006, p. 90].

Однако подобное явление в русском языке, равно как и в других языках, никак не повлияло на видоизменение пунктуационных маркеров. По-видимому, гораздо правильнее считать, что для испанских кодификаторов (начиная с 1754 года [Ort, p. 125—128, 128—129]) оказалось важным подержание «более высокого соответствия между устным и письменным измерениями (*las dimensiones*) языка», которое и обеспечила данная пунктуационная инновация [Ridao Rodrigo, 2021, p. 10]. Вовсе не случайно в первую очередь перевернутый элемент вопросительного и восклицательного знаков рекомендовали ставить в «длинных периодах (*periodos largos*)» [Ort, p. 125, 128] (= в протяженных высказываниях), благодаря чему не только визуально более четко маркировалось их начало, но и задавалась антиципация необходимого интонационного оформления.

В пунктуационный трансфер втягиваются прежде всего те иноязычные знаки препинания, которые отличаются от аналогичных знаков препинания в родном языке писателя или поэта по своей общепунктуационной функции. Так, если русские вопросительный (?) и восклицательный (!) знаки являются разделительными, то испанские вопросительный (¿...?) и восклицательный (¡...!) знаки — выделительными.

В испанском языке вопросительный и восклицательный знаки, будучи парными знаками препинания, способны выделять не только самостоятельное высказывание, но и какую-либо его часть. Ср.: *¿Cuándo nos veremos?* ‘Когда мы увидимся?’; *¡Qué frío hace aquí!* ‘Как здесь холодно!’ [Benavente Luna, 2005, p. 228, 231]; *Y el señor Pérez ¿cómo lo reconocieron?* ‘И как они узнали сеньора Переса?’ [Kattán-Ibarra et al., 2003, p. 147]; *Juan se fue al teatro, pero ¡qué estupidez! no había tomado consigo las entradas*. ‘Хуан пошел в театр, но — что за глупость! — билетов он с собой не взял’ [Корнева, 2017, с. 144]. В предпоследнем примере «топик <...> помещен первым, вне рамки вопроса», поэтому «перевернутый вопросительный знак появляется на письме после <...> топика» [Kattán-Ibarra et al., 2003, p. 147], а в последнем — открывающим и закрывающим элементами вос-

клицательного знака выделено оценочное суждение в позиции вставки. Эти два примера показывают, что, находясь не на границах высказывания, а внутри него, открывающий элемент не требует начальной прописной буквы в следующем за ним слове, а закрывающий элемент не участвует в обозначении завершенности всего высказывания. В середине высказывания перевернутый элемент вопросительного и восклицательного знаков может взаимодействовать с разделительными знаками препинания (чаще всего — с запятой). Ср.: *Dime, Alfonso, ¿cuándo tienes previsto llegar a México?* ‘Скажи мне, Альфонсо, когда ты планируешь прибыть в Мексику?’; *¡Al agua!, gritó el instructor* ‘— Воды! — крикнул инструктор’ [Benavente Luna, 2005, p. 229, 231].

Кроме того, функция предупреждения, состоящая «в определенности восприятия знака препинания» [Шварцкопф, 1988, с. 16], более выразительно реализуется в испанских высказываниях благодаря отмеченности начала вопроса и восклицания перевернутым элементом соответствующего парного знака [Там же, с. 17—18].

Пунктуационный трансфер носит избирательный характер: обычно воспроизводятся далеко не все способы употребления иноязычных знаков препинания, более того, происходит генерализация этих способов. Например, при трансфере испанских вопросительного и восклицательного знаков преобладает их использование для пунктуационного маркирования самостоятельных высказываний, когда открывающим элементом обозначается начало высказывания, а закрывающим — его конец. В условиях трансфера не получает отражения вариантность пунктуационного маркирования вопросительно-восклицательных высказываний в испанском языке (*¿...!* и *¡...?*; *¿...?!* и *¿¡...!?*). Ср.: *¿Qué no te deja salir ese listo!* ‘Что тебя не отпускает этот умник?!’ и *¡Marisa logró llegar a la cima?* ‘Марисе удалось подняться на вершину?!’ [Benavente Luna, 2005, p. 232]; *Daniel pegó un respingo cuando Lucita le tocó en el brazo con el vidrio mojado de la botella: — ¡¿Qué?!* ‘Даниэль вздохнул, когда Люсита коснулась его руки влажным стеклом бутылки: — Что?!’ и *¿¡Quién ha dejado el helado fuera de la nevera!?* ‘Кто достал мороженое из холодильника?!’ [Millán, 2006, p. 103]. В трансфер втягивается только один способ пунктуационного маркирования вопросительно-восклицательных высказываний, а именно (*¿...!*).

Пунктуационному трансферу способствуют те процессы, которые происходят в нерегламентированной пунктуации родного языка писателя или поэта. Так, в отдельных жанрах русской письменной речи восклицательный (и в меньшей мере вопросительный) знак постепенно приобретает качество открывающего элемента, правда не в перевернутом, а в обычном виде. Ср. рекламное сообщение в витрине кафе: **!ВНИМАНИЕ! // !!МЫ**

ОТКРЫЛИСЬ!! [Пастухова, 2017, с. 36], представляющее собой пока еще «пунктуационную рекламную экзотику» [Там же, с. 37], которую усиливают капитализация (то есть использование исключительно прописных букв) и экспрессивная редупликация открывающих и закрывающих знаков препинания. Ср. также пунктуационное оформление однословного высказывания в школьной записке: *!Круто* [Куз, с. 114], где использован открывающий элемент восклицательного знака в неперевернутом виде и при этом отсутствует элемент закрывающий. Интересно отметить, что в испанских социальных сетях и в мессенджерах наблюдается отказ от перевернутого элемента вопросительного и восклицательного знаков. Это объясняется, во-первых, небрежностью стиля, а во-вторых, влиянием английского языка [Millán, 2006, p. 96, 100]. Ср. В романе А. Орсини «Mis whatsapp con mamá» («Мои whatsapp'ы с мамой»): *La última vez que viniste olvidaste un calcetín. Quieres que te lo envíe por correo? <...> No me cuesta nada mandártelo!* 'В прошлый раз, когда ты приходил, ты забыл носок. Ты хочешь, чтобы я выслала его тебе по почте? <...> Мне ничего не стоит отправить его тебе!' [Ors, p. 52].

Иноязычный знак препинания, подвергнутый пунктуационному трансферу, предоставляет художнику слова средство, с одной стороны, для маркирования той или иной пунктуационной позиции в соответствии с нормой иностранного языка, а с другой стороны, для стилистической дифференциации пунктуационного оформления текста. Допустим, при введении реплик испаноговорящих персонажей или реплик русских персонажей, переходящих на испанский язык, пунктуационный трансфер позволяет дополнительно отграничить подобные реплики от реплик на русском языке и подчеркнуть «смешанный речевой режим (a mixed speech mode)» [Gardner-Chloros et al., 2015, p. 186] посредством знаков препинания, характерных только для испанского языка (ср. вопросительный (*¿...?*) и восклицательный (*¡...!*) знаки). В случае использования испанского знака препинания в собственно русском тексте наряду с пунктуационной значимостью (в частности, у восклицательного знака (*¡...!*) — выделение высказывания, а также предупреждение о его эмоциональной окрашенности), отличающейся от пунктуационной значимости аналогичного русского знака препинания, он приобретает такие дополнительные функции, как, например, указание на длительную паузу и акцентирование внимания.

Важно сказать о том, что в XIX веке испанский вопросительный знак стали употреблять сразу в собственно русских текстах, причем как в художественных, так и в публицистических. Этот факт связан с двумя следующими обстоятельствами. Во-первых, русские читатели того времени, которые были весьма осведомлены в европейской книжно-письменной культу-

ре, без труда могли определить необычное пунктуационное маркирование вопросительного высказывания как трансфер и понять причину обращения писателя к иноязычному знаку препинания. Во-вторых, в русской литературе того времени еще не было потребности во включении в структуру диалога реплик на испанском языке, в том числе вопросительных, которые были бы оформлены парным вопросительным знаком с перевернутым открывающим элементом.

Одним из первых в русской печати этот пунктуационный трансфер использовал В. Ф. Одоевский, который, обучаясь в Благородном пансионе при Московском университете, овладел несколькими иностранными языками, в том числе испанским. В «Пестрых сказках» (1833 год) В. Ф. Одоевского, якобы сочиненных или собранных Иринею Модестовичем Гомозейко, потребность мнимого автора в испанском вопросительном знаке объясняется в части «От издателя»: «<...> у насъ знаки препинанія разставляются какъ будто нарочно для того, чтобы книгу нельзя было читать съ перваго раза <...>; для избѣжанія сего недостатка <...> онъ осмѣлился занять у Испанцевъ оборотный вопросительный знакъ, который ставится въ началѣ періода для означенія, что оному при чтеніи должно дать тонъ вопроса» [Од-1, с. V—VI]. Ср.: *¿Не обидно ли это?* («Реторта») [Там же, с. 19]; — *¿Что же покойникъ-та крѣпостной что ли вашь былъ?.....* — («Сказка о мертвомъ тѣлѣ, неизвѣстно кому принадлежащемъ») [Там же, с. 42]. Правда, у В. Ф. Одоевского отнюдь не каждое вопросительное высказывание маркируется испанским вопросительным знаком. Ср. его отказ от перевернутого элемента вопросительного знака в начале первого и третьего вопросительного высказывания: *«Что лошади?» // — Да ничего. — // «¿Стоять на стойлѣ? не правда ли?» продолжалъ Господинъ Кивакель* («Деревянный гость или Сказка объ очнувшейся куклѣ и Господинѣ Кивакелѣ») [Там же, с. 153]. Здесь следует отметить, что, согласно норме испанской пунктуации, каждое из вопросительных высказываний, идущих подряд, имеет собственные парные знаки. При этом пунктуационная граница между такими высказываниями обозначается либо пробелом и начальной прописной буквой: *¿Стоять на стойлѣ? ¿Не правда ли?* (трансформ.), — либо разделительной запятой и начальной строчной буквой: *¿Стоять на стойлѣ?, ¿не правда ли?* (трансформ.) [Benavente Luna, 2005, p. 229].

Сам В. Ф. Одоевский воспринимал обращение к испанскому вопросительному знаку как «своеобразный лингвистический эксперимент» [Турьян, 1996, с. 170], причем, возможно, не вполне удачный. По этой причине, переиздавая «Отрывки из “Пестрых сказок”» в 1844 году, писатель устранил эту пунктуационную особенность (ср., например, [Од-2, с. 187, 219]), одновременно изъяв часть «От издателя», в которой обосновывает-

сы перенос испанского вопросительного знака. Курьезно выглядит то, что в современных изданиях «Пестрых сказок», где испанский вопросительный знак отсутствует, часть «От издателя» восстановлена: метаязыковой комментарий, касающийся пунктуационного трансфера, не соответствует в тексте ничему (ср. [Од-3, с. 6]).

А. И. Герцен применял испанский вопросительный знак в таком разделе газеты «Колокол», как «Смесь», где публиковались сведения из легальной русской прессы. В его рубрике «Правда ли?» преобладали вопросительные высказывания, которые отделяются знаком «тире», обозначающим начало новой темы, и выделяются с помощью испанского вопросительного знака. Ср. заметку 1866 года: — *¿Правда-ли, что изъ Петербурга сосланъ въ Сибирь безъ суда и слѣдствія какой-то купецъ, ходившій по дѣламъ торговцевъ Маріинскаго рынка?* [К-1, с. 1756]. В сериях вопросительных высказываний перевернутый открывающий элемент не всегда был поставлен. Ср. из заметки 1867 года: — *¿Какъ пропали на одномъ балъ у княгини Воронцовой брилльянты?... Какъ они нашлись? у кого? Кто заказывалъ пуговики?...* [К-2, с. 1984]. Пунктуационный трансфер позволил здесь А. И. Герцену по-особому представить первое вопросительное высказывание, благодаря которому, собственно, и задается новая тема. Существенно, что употреблению испанского вопросительного знака у А. И. Герцена свойственна жанровая ограниченность. Обращение А. И. Герцена к испанскому вопросительному знаку вовсе не было случайным: сохранилось свидетельство о том, что еще в 1851 году, готовясь к поездке в Испанию, «Герцен “день и ночь” изучал испанский язык» [Летопись ..., 1976, с. 13].

В художественных текстах, принадлежащих русским писателям и поэтам XXI века, трансферу испанских вопросительного и восклицательного знаков свойственна стилистическая специализация в разных условиях его использования.

3.2. Типы пунктуационного трансфера в художественном тексте

В русских художественных текстах XXI века в рамках употребления испанских вопросительного и восклицательного знаков выделяются два типа пунктуационного трансфера. Первый тип связан с пунктуационным маркированием вопросительных и восклицательных реплик, высказанных на испанском языке, второй же тип — с оформлением собственно русских вопросительных и восклицательных высказываний посредством соответствующих испанских знаков препинания. С точки зрения неискушенного читателя, первый тип пунктуационного трансфера носит облигаторный характер, а второй тип — факультативный. С точки зрения художника слова, оба типа пунктуационного трансфера необходимы. В частности, если происходит отказ от испанского восклицательного знака при оформлении

испанского же восклицательного высказывания, то этот пунктуационный «сдвиг» неизменно имеет стилистическую мотивацию в художественном тексте. Наблюдения показывают, что первый тип пунктуационного трансфера в большей мере свойствен прозаическим текстам, тогда как второй тип — поэтическим.

Пунктуационный трансфер первого типа представлен в двух частях романа Ю. Кузнецовой «Первая работа»: «Уроки испанского» (2016 год) и «Путешествие» (2017 год). Ю. Кузнецова — детский писатель, филолог по образованию, свободно владеет испанским языком. В посвящении ко второй части романа Ю. Кузнецова благодарит родителей, отправивших ее учиться в Испанию [Куз, с. 270]. В части «Уроки испанского» рассказана история десятиклассницы Маши Молочниковой, которая со второго класса учит испанский язык и мечтает о летнем языковом лагере в Барселоне. Чтобы заработать деньги для воплощения своей мечты, Маша начинает заниматься испанским языком с шестилетней Даной. В части «Путешествие» рассказано о поездке Маши в Барселону. Если в первой части романа реплики на испанском языке, в том числе вопросительные и восклицательные, встречаются только в речи учительницы Беатрис, самой Маши и Даны, то во второй части — в речи Маши, учительниц Роситы и Исабель, квартирной хозяйки сеньоры Рибаль и ее сына Хорхе, продавщицы индийца в супермаркете и других персонажей. По этой причине меняется количество использованных испанских знаков препинания: в первой части вопросительных знаков — 4, восклицательных — 12; во второй части вопросительных знаков — 17, восклицательных — 41. Эта особенность пунктуационного «рисунка», обусловленная сюжетной динамикой романа, сопряжена с авторским кредо Ю. Кузнецовой, согласно которому «писатель — это проводок, соединяющий окружающую жизнь с читателями через текст» [Кузнецова, 2018, с. 169].

В романе Ю. Кузнецовой перенос испанских вопросительных и восклицательных знаков способствует идиоматически точному пунктуационному маркированию вопросительных и восклицательных реплик на испанском языке. Ср.: — *Hola, ¿hay churros?* — *смело спросила я.* («Привет, есть чуррос?») [Куз, с. 378]; *A потом она* (Исабель. — К. С.) *посмотрела на меня в упор и спросила: — ¿Por qué no estás lista, María?* («Почему ты не готова, Мария?») [Там же, с. 420] и *Мне понятно, куда идти и что делать. Все расписано, как в детском садике. <...> ¿No hay un problema, mamita!* («Нет проблем, мамуля!») [Там же, с. 301]; — *¡Acompaña de esta chica en el aula siete!* — *велела она* (староста. — К. С.). («Проводи эту девушку в седьмую аудиторию!») [Там же, с. 331]. Приведенные здесь вопросительные и восклицательные высказывания принадлежат либо испаноговорящим пер-

сонажам (учительнице Исабель и старосте), либо Маше, использующей испанский язык (прямая речь и изображенная внутренняя речь).

В стилистическом плане испанские знаки препинания позволяют, с одной стороны, подчеркнуть языковую инаковость вопросительных и восклицательных реплик, а с другой стороны, передать в визуальном регистре «голоса» тех испаноговорящих или переходящих на испанский язык персонажей, кому принадлежит вопрос или восклицание. Ср. в связи с этим метаязыковой комментарий, отображающий присутствие в сознании Маши образного представления об испанском вопросительном знаке: «*“Teatr? — изумленно подумала я. — Какой еще театр?”*. В голове возникло целое облако вопросительных знаков, половина из которых поспешила перевернуться вверх ногами в лучших традициях испанской пунктуации» [Там же, с. 346]. Важно отметить, что открывающему перевернутому элементу испанского вопросительного или восклицательного знака, находящемуся в середине высказывания, в том числе стоящему рядом с таким разделительным знаком препинания, как запятая (ср. первый пример), благоприятствует пунктуационный трансфер первого типа.

При пунктуационном трансфере первого типа читатель, которому оказался неизвестен иноязычный знак препинания, находит его пунктуационное соответствие в родном языке благодаря переводу иноязычных высказываний. В романе Ю. Кузнецовой перевод дается тремя способами: либо в сноске, расположенной в конце страницы (ср. [Maloney, 2005]), либо в ближайшем контексте, либо в сноске и в ближайшем контексте одновременно. В сноске всегда указывается, с какого языка сделан перевод, то есть она обеспечивает четкую языковую идентификацию неизвестного знака препинания. При комплексном способе перевода пунктуационный маркер, соответствующий иноязычному знаку препинания, присутствует только в сноске (ср. третий пример). Ср.: — *¿Esto es la traducción?* — *быстро спросила она* (Исабель. — К. С.) и сноска: *Это перевод?* (исп.) [Куз, с. 383]; — *Я могла крикнуть мышкам: ¡Cuidate! ¡El gato!* *И они прятались. — А что это значит? — жадно спросила Дана. — «Осторожно! Ком!» — пояснила я* [Там же, с. 107—108]; — *¿Bolsa?* — *повторяет индиец и трясет пластиковым пакетом. — А! — вздыхаю я и качаю головой: пакет мне не нужен* и сноска: *Сумка?* (исп.) [Там же, с. 365].

Весьма интересен тот факт, что иногда в романе Ю. Кузнецовой пунктуационный трансфер прекращает свое действие: восклицательные реплики на испанском языке не маркируются посредством испанского восклицательного знака. Во-первых, вместо него может употребляться русский восклицательный знак. Этому способствуют русская транслитерация испанских восклицательных высказываний: *Марина назвала ему* (такси-

сту. — К. С.) адрес, и мы плавно двинулись вперед. — Ой, вайфайчик, — негромко сказала Марина <...>. — Си, ви-фи! — обрадованно подтвердил таксист [Там же, с. 303], — а также ориентация русского персонажа (в данном случае — Маши) на сообщение для себя: В записке она (сеньора. — К. С.) сообщала, что вернутся они с Хорхе завтра, в понедельник (*el lunes!*) [Там же, с. 462]. Безусловно, в обоих случаях здесь нет банальной пунктуационной интерференции, так как замена испанского восклицательного знака на русский вызвана нетипичными условиями реализации испанских восклицательных реплик, то есть осуществлена сознательно. Во вторых, испанский восклицательный знак может быть вовсе опущен. Ср. ситуацию, когда Дана хотела ограничить изучение испанского языка знанием только одной утилитарной реплики: — *Чтобы заказать мороженое себе и маме в кафе, достаточно выучить всего одну фразу: ¡Dos helados, por favor!* ('Два мороженых, пожалуйста!') — *Dos helados, por favor*, — пробормотала Дана и, посветлев, вскочила со стула. — *Все! Мы выучили испанский!* [Там же, с. 41]. Дана повторяет восклицательное высказывание, но никакой эмоциональной окрашенности и тем самым восклицательной интонации в ее речи нет, поэтому испанский восклицательный знак здесь выглядел бы неуместно. В конце этого высказывания стоит запятая, выступающая как субститут точки в конструкциях прямой речи. Испанский восклицательный знак ставится только в тех высказываниях, где «смысл и тон восклицания идеальны (*el sentido y tono de la admiración es perfecto*)» [Ort, p. 128], то есть тогда, когда имеется «подлинное восклицание (*genuine exclamation*)» [Kattán-Ibarra et al., 2003, p. 9]. При оформлении вопросительных реплик на испанском языке пунктуационный трансфер в романе Ю. Кузнецовой действует безысключительно.

Пунктуационный трансфер второго типа представлен в нескольких стихотворениях Н. Азаровой 2005—2010 годов. Н. Азарова — филолог-испанист, поэт, переводчик, теоретик поэзии. По утверждению В. Новикова, Н. Азарова «обновляет саму конструкцию стиха» [Новиков, 2011, с. 7]. Действительно, в стихотворениях Н. Азаровой слово, освобожденное от стандартной семантико-синтаксической организованности, становится более автономным, в них почти нет прописных букв и знаков препинания. Исключение сделано, в частности, для вопросительного и восклицательного знаков [Азарова, 2016, с. 300—301], но и здесь Н. Азарова допускает «графическую шалость» [Новиков, 2011, с. 12], а именно прибегает иногда к пунктуационному трансферу второго типа: включает в тексты русских стихотворений испанские вопросительные и восклицательные знаки. Этими иноязычными знаками препинания, как отмечает сама Н. Азарова, «создается <...> сильный остраивающий эффект» [Азарова, 2016, с. 288].

Она полагает, что в текстах русских стихотворений семантика испанского вопросительного знака, например, «в большей степени определяется визуальной составляющей как неким предварением, остановкой, привлечением внимания, чем непосредственной семантикой вопроса» [Там же, с. 302]. Однако их усложнение элементами иноязычной пунктуации рассчитано во многом на «идеального адресата» [Там же, с. 292].

В стихотворениях Н. Азаровой испанские вопросительный и восклицательный знаки занимают сильные позиции текста: они выделяют заголовков, формируют обрамление микротекста, участвуют в пунктуационном маркировании ключевых фраз, в том числе при их повторе. Ср.:

¿крым?

¿мак и по кром кам

белые козы камней

как здесь не жить караимам? [Аз, с. 147].

В этом стихотворении 2007 года, состоящем из смещенного заголовка и микротекста, сама его образно-тематическая структура обусловила обращение Н. Азаровой к испанскому вопросительному знаку: караимы много веков назад жили в Испании, а пейзаж Крыма чем-то напоминает испанский пейзаж. В заголовке испанский вопросительный знак указывает на вопрос (ср.: *Крым ли это?*) и в то же время побуждает сосредоточить внимание на топониме, а в микротексте испанский вопросительный знак, с одной стороны, графически обозначает его целостно-завершенный характер, а с другой стороны, задает предощущение вопроса в третьей строке.

В стихотворении 2005 года, написанном в Феррапонтове (это специально отмечено Н. Азаровой), испанским восклицательным знаком маркируются полностью повторяющиеся первая и последняя строки: *¡óseni dni osení diónise!* [Там же, с. 111]. В данной строке, создающей кольцевую композицию стихотворения, появление испанского восклицательного знака также имеет образную подоплеку: в дохристианскую эпоху культ Диониса получил распространение в Средиземноморье, в том числе в Испании. Кроме того, испанский восклицательный знак, воспринимающийся как более экспрессивный в сравнении с одиночным (по составу) и завершающим (по расположению) русским восклицательным знаком, позволяет сделать отсылку к переполненным эмоциями осенним празднествам в честь Диониса, которые проводились после уборки винограда, и вместе с тем передать восхищение фресками Дионисия (ср. *admiración* ‘восхищение’, а в старых описаниях испанской пунктуации, в частности [Ort, p. 128], — также ‘восклицательный знак’ и ‘восклицание’). Испан-

ский восклицательный знак выделяет ключевую фразу, являющуюся своего рода символическим ключом к истолкованию стихотворения.

Наибольшей концентрацией испанских вопросительных и восклицательных знаков отличается стихотворение «¡к Тебе Бог нашего века!» (2010 год), где развернута эмоциональная картина страха перед наступившим XXI веком. Здесь переносу испанских знаков препинания способствуют совсем не испанские мотивы в образной палитре стихотворения, а семантика и структурно-графические особенности этих знаков препинания.

Н. Азарова использует 3 испанских восклицательных знака, которые маркируют частично повторяющиеся восклицательные высказывания в начальной, срединной и конечной частях стихотворения: *¡к Тебе Бог нашего века!*; *¡а Ты двадцать первый Бог!*; *¡к Тебе Бог двадцать Первый!* [Аз, с. 205]. Благодаря повтору испанского восклицательного знака в разных частях стихотворения, создающему эффект присутствия провиденциального собеседника, формируется особый «глазной ритм» [Азарова, 2016, с. 302]. Н. Азарова употребляет 2 испанских вопросительных знака, размеща два вопросительных однословных высказывания на одной строке. Ср.: *¿настает? ¿шевелится?* [Аз, с. 205]. В этой серии вопросительных высказываний всецело реализовать норму испанской пунктуации невозможно потому, что поэт сознательно избегает прописных букв и разделительных знаков препинания, прежде всего запятых; ср., однако: *¿Настает? ¿Шевелится?* (трансформ₁) и *¿Настает?, ¿шевелится?* (трансформ₂). «Ступенчатостью» испанских вопросительных знаков нагнетается предчувствие чего-то страшного, что несет наш век.

Еще в одном случае Н. Азарова оставляет перевернутый открывающий элемент испанского вопросительного знака, тогда как его закрывающий элемент подвергает усечению. Ср.: *¿в столь смежных душах что моя / пробежаться по позвоночникам* [Там же]. Этот пунктуационный эксперимент с испанским вопросительным знаком, оставляя семантику вопроса на втором плане, выносит на первый план предварение и длежащее проявление того, о чем идет речь. Наконец, вопросительно-восклицательное высказывание, которым завершается стихотворение, выделяется сочетанием знаков препинания (*¿...!*), довольно распространенным в испанском пунктуационном узусе. Ср.: *<...> наш страх по крохам / и по краху / страх / ¿Произрастаешь!* [Там же]. Посредством этого сочетания (?!), равно как и посредством русского пунктуационного сочетания (?!), выражается «эмоциональность вопроса» [Шварцкопф, 1988, с. 33]. В сочетании элементов испанского вопросительного и восклицательного знаков (*¿...!*) и в его семантике отображено взаимодействие вопросительной целеустановки и эмоциональной окрашенности, выражавшихся на всем протяжении текста

по отдельности испанскими вопросительными и восклицательными знаками соответственно.

Показательно, что общее количество разных элементов (то есть открывающих и закрывающих) этих знаков препинания у Н. Азаровой почти совпадает: восклицательных — 7, вопросительных — 6.

Как видим, использование пунктуационного трансфера второго типа определяется преимущественно тем, что, во-первых, благодаря ему та или иная пунктуационная позиция может быть осмыслена и оформлена по-новому, а во-вторых, он создает визуально-графическую основу для выработки пунктуационно-стилистических приемов. Однако надо признать, что изначально пунктуационный трансфер второго типа может быть стимулирован желанием осуществить намек на ассоциативную связь компонентов образной структуры художественного текста с той страной, языку которой принадлежит перенесенный знак препинания.

4. Заключение = Conclusions

Итак, в результате исследования пунктуационного трансфера в русских художественных текстах, которое основывалось на разных прецедентах переноса испанских вопросительных и восклицательных знаков, могут быть сделаны следующие выводы.

Во-первых, пунктуационный трансфер — это одно из проявлений культурно-языкового трансфера, свойственного двуязычным художественным текстам. Пунктуационный трансфер представляет собой намеренный перенос иноязычного знака препинания.

Во-вторых, художника слова побуждают к пунктуационному трансферу такие факторы, как пунктуационная и / или стилистическая целесообразность использования иноязычного знака препинания, его перцептивная выделенность и функционально-структурное отличие от аналогичного знака препинания в родном языке, доступность идентификации знака препинания по его принадлежности к конкретному иностранному языку. При этом первый из них выступает в качестве доминирующего фактора.

В-третьих, в художественных текстах выделяются два типа пунктуационного трансфера. Первый тип пунктуационного трансфера используется при оформлении реплик на иностранном языке, тогда как второй его тип — при включении в пунктуационную организацию текста на родном языке. В XIX веке писатели обращались к пунктуационному трансферу второго типа (В. Ф. Одоевский, А. И. Герцен). Художники слова XXI века применяют оба типа пунктуационного трансфера, однако первый тип характерен для прозаических текстов (Ю. Кузнецова), тогда как второй тип — для поэтических (Н. Азарова).

В-четвертых, типы пунктуационного трансфера в художественном тексте различаются прежде всего в плане своего стилистического предназначения. Если первый тип пунктуационного трансфера подчеркивает иноязычный характер реплики персонажа пунктуационным способом, то второй его тип участвует в создании пунктуационно-стилистических приемов.

В-пятых, пунктуационный трансфер допускает творческое отношение художника слова к иноязычному знаку препинания, который может не только воспроизводиться, но и трансформироваться при возникновении особых стилистических заданий (ср. у Ю. Кузнецовой — замену испанского восклицательного знака на русский восклицательный знак или на запятую при прямой речи в испаноязычных репликах, а у Н. Азаровой — усечение завершающего элемента испанского вопросительного знака).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.
---	--

Источники и принятые сокращения

1. Аз — *Азарова Н.* Соло равенства. Стихотворения / Н. Азарова. — Москва : Новое литературное обозрение, 2011. — 275 с. — ISBN 978-5-86793-900-7.
2. К-1 — *Колоколь* : [газета]. — 1866. — Листь 214. — С. 1749—1756.
3. К-2 — *Колоколь* : [газета]. — 1867. — Листь 243. — С. 1981—1987.
4. Куз — *Кузнецова Ю.* Первая работа : Уроки испанского ; Путешествие / Ю. Кузнецова. — Москва : Пять четвертей, 2023. — 528 с. — ISBN 978-5-907362-62-8.
5. Од-1 — *Одоевский В. Ф.* Пестрые сказки / В. Ф. Одоевский. — Санкт-Петербург : Типография экспедиции заготовления государственных бумаг, 1833. — 156 с.
6. Од-2 — *Одоевский В. Ф.* Сочинения / В. Ф. Одоевский. — Санкт-Петербург : Типография Э. Праца, 1844. — Часть 3. — 374 с.
7. Од-3 — *Одоевский В. Ф.* Пестрые сказки / В. Ф. Одоевский. — Санкт-Петербург : Наука, 1996. — 204 с. — ISBN 5-02-028204-9.
8. Чуд — *Чудакова М. О.* Жизнеописание Михаила Булгакова / М. О. Чудакова. — Москва : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2023. — 832 с. — ISBN 978-5-389-22034-8.
9. Ors — *Orsini A.* Mis whatsapp con mamá / A. Orsini. — Barcelona : Grijalbo, 2014. — 384 p. — ISBN 978-84-253-5257-7.
10. Ort — *Ortografia de la lengua castellana, compuesta por la Real Academia Española.* — Madrid : Imprenta de D. Gabriel Ramirez, 1754. — 234 p.

Литература

1. *Азарова Н. М.* Поэтический билингвизм как средство межкультурного трансфера / Н. М. Азарова // Лингвистика и семиотика культурных трансферов : методы, принципы, технологии / отв. ред. В. В. Фещенко. — Москва : Культурная революция, 2016. — С. 255—307. — ISBN 978-5-902764-76-2.
2. *Вайнрайх У.* Языковые контакты : Состояние и проблемы исследования / У. Вайнрайх. — Киев : Вища школа, 1979. — 263 с.
3. *Верещинская Ю. В.* Пунктуация как инструмент коммуникативно-смысловой организации текста : норма и узус (на материале испанского языка) / Ю. В. Верещин-

ская, Е. С. Сыщикова // Филологические науки в МГИМО. — 2023. — Т. 9. — № 4. — С. 8—25. — DOI: 10.24833/2410-2423-2023-4-37-8-25.

4. Колесниченко М. А. К вопросу об интерференции и трансференции в теории языковых контактов / М. А. Колесниченко // Язык и культура. — 2013. — № 9. — С. 182—186.

5. Корнева В. В. Испанские фразовые знаки препинания на фоне русских / В. В. Корнева // Сопоставительные исследования / отв. ред. М. А. Стернина. — Воронеж : Истоки, 2017. — Выпуск 14. — С. 141—145. — ISBN 978-5-4473-0143-9.

6. Кузнецова Ю. Как я пишу : на творческой кухне автора детских книг / Ю. Кузнецова. — Москва : КомпасГид, 2018. — 176 с. — ISBN 978-5-00083-438-1.

7. Летопись жизни и творчества А. И. Герцена, 1851—1858 / Отв. ред. С. Д. Гурвич-Лицинер, И. Г. Птушкина. — Москва : Наука, 1976. — 487 с.

8. Новиков В. Будущее — уже сейчас / В. Новиков // Соло равенства. Стихотворения. — Москва : Новое литературное обозрение, 2011. — С. 7—12. — ISBN 978-5-86793-900-7.

9. Пастухова Л. С. Пора привлечь внимание к знакам препинания, или Кое-что о пунктуации. 2-е изд. / Л. С. Пастухова. — Симферополь : Н. Орианда, 2017. — 160 с. — ISBN 978-5-9909600-2-2.

10. Рейсер С. А. Палеография и текстология нового времени / С. А. Рейсер. — Москва : Просвещение, 1970. — 336 с.

11. Сорокопуд Л. Н. Пунктуационная интерференция в аспекте прагмалингвистики (русский / испанский языки) / Л. Н. Сорокопуд, Т. Е. Старченко // Национальная идентичность сквозь призму диалога культур. Исследования в области гуманитарных наук в ибероамериканском и российском научном пространстве. Материалы III Международного конгресса / Отв. ред. Н. В. Карповская, А. Сантана Аррибас. — Ростов-на-Дону ; Таганрог : ЮФУ, 2020. — С. 344—348. — ISBN 978-5-9275-3672-6.

12. Турьян М. А. Примечания / М. А. Турьян // Пестрые сказки. — Санкт-Петербург : Наука, 1996. — С. 169—201. — ISBN 5-02-028204-9.

13. Фещенко В. В. Теория культурных трансферов : от переводоведения — через cultural studies — к теоретической лингвистике / В. В. Фещенко, С. Ю. Бочавер // Лингвистика и семиотика культурных трансферов : методы, принципы, технологии / Отв. ред. В. В. Фещенко. — Москва : Культурная революция, 2016. — С. 5—34. — ISBN 978-5-902764-76-2.

14. Шварцкопф Б. С. Современная русская пунктуация : система и ее функционирование / Б. С. Шварцкопф. — Москва : Наука, 1988. — 192 с. — ISBN 5-02-010873-1.

15. Benavente Luna P. Ortografía / P. Benavente Luna. — México : Pearson Educación, 2005. — 309 p. — ISBN 970-26-0572-5.

16. Galloso Camacho M. V. On some possible differences between punctuation marks in the Chinese and Spanish languages / M. V. Galloso Camacho, Bo Zhang // Linguodidáctica. — 2023. — Vol. 2. — Pp. 54—69. — DOI: 10.33776/linguodidactica.v.2.7751.

17. Gardner-Chloros P. Code-switching and multilingualism in literature / P. Gardner-Chloros, D. Weston // Language and literature. — 2015. — Vol. 24 (3). — Pp. 182—193. — DOI: 10.1177/0963947015585065.

18. Kattán-Ibarra J. Modern Spanish grammar. A practical guide. 2nd ed. / J. Kattán-Ibarra, Ch. J. Pountain. — London ; New York : Routledge, 2003. — 446 p. — ISBN 0-415-27304-8.

19. Maloney E. J. Footnotes in fiction : a rhetorical approach. Dissertation / E. J. Maloney. — Columbus : The Ohio State University, 2005. — 197 p.

20. Millán J. A. Perdón, imposible. Guía para una puntuación más rica y consciente / J. A. Millán. — Barcelona : RBA Libros S. A., 2006. — 165 p. — ISBN 84-7871-773-0.

21. Ridao Rodrigo S. Los signos de puntuación de la interrogación y la exclamación en la ortografía de la Real Academia Española : consideraciones didácticas e historiográficas / S. Ridao Rodrigo // Moenia. Revista Lucense de Lingüística & Literatura. — 2021. — № 27. — Pp. 1—13. — DOI: 10.15304/moenia.id7620.

Статья поступила в редакцию 07.08.2025,
одобрена после рецензирования 26.11.2025,
подготовлена к публикации 28.12.2025.

Material resources

- Az — Azarova, N. (2011). *Solo equality. Poems*. Moscow: New Literary Review. 275 p. ISBN 978-5-86793-900-7. (In Russ.).
- Chud — Chudakova, M. O. (2023). *The biography of Mikhail Bulgakov*. Moscow: KoLibri, ABC-Atticus. 832 p. ISBN 978-5-389-22034-8. (In Russ.).
- K-1 — (1866). *Kolokol: [newspaper], 214*: 1749—1756. (In Russ.).
- K-2 — (1867). *Kolokol: [newspaper], 243*: 1981—1987. (In Russ.).
- Kuz — Kuznetsova, Y. (2023). *First job: Spanish lessons; Travel*. Moscow: Five Quarters. 528 p. ISBN 978-5-907362-62-8. (In Russ.).
- Od-1 — Odoevsky, V. (1833). *Motley tales*. St. Petersburg: Printing house of the expedition and procurement of state papers. 156 p. (In Russ.).
- Od-2 — Odoevsky, V. Θ. (1844). *Compositions, 3*. St. Petersburg: Printing House of E. Prats. 374 p. (In Russ.).
- Od-3 — Odoevsky, V. F. (1996). *Motley tales*. Saint Petersburg: Nauka Publ. 204 p. ISBN 5-02-028204-9. (In Russ.).
- Ors — Orsini, A. (2014). *Mis whatsapp con mama*. Barcelona: Grijalbo. 384 p. ISBN 978-84-253-5257-7. (In Span.).
- Ort — *Ortografía de la lengua castellana, compuesta por la Real Academia Española*. (1754). Madrid: Imprenta de D. Gabriel Ramirez. 234 p. (In Span.).

References

- Azarova, N. M. (2016). Poetic bilingualism as a means of intercultural transfer. In: *Linguistics and semiotics of cultural transfers: methods, principles, technologies*. Moscow: Cultural Revolution. 255—307. ISBN 978-5-902764-76-2. (In Russ.).
- Benavente Luna, P. (2005). *Ortografía*. México: Pearson Educación. 309 p. ISBN 970-26-0572-5. (In Span.).
- Feshchenko, V. V., Bochaver, S. Y. (2016). Theory of cultural transfers: from translation studies through cultural studies to theoretical linguistics. In: *Linguistics and semiotics of cultural transfers: methods, principles, technologies*. Moscow: Cultural Revolution. 5—34. ISBN 978-5-902764-76-2. (In Russ.).
- Galloso Camacho, M. V., Zhang Bo. (2023). On some possible differences between punctuation marks in the Chinese and Spanish languages. *Linguodidáctica*, 2: 54—69. DOI: 10.33776/linguodidactica.v2.7751.
- Gardner-Chloros, P., Weston, D. (2015). Code-switching and multilingualism in literature. *Language and literature*, 24 (3): 182—193. DOI: 10.1177/0963947015585065.

- Gurvich-Lishchiner, S. D., Ptushkina, I. G. (eds.). (1976). *Chronicle of the life and work of A. I. Herzen. 1851—1858*. Moscow: Nauka Publ. 487 p. (In Russ.).
- Kattán-Ibarra, J., Pountain, Ch. J. (2003). *Modern Spanish grammar. A practical guide. 2nd ed.* London; New York: Routledge. 446 p. ISBN 0-415-27304-8.
- Kolesnichenko, M. A. (2013). On the issue of interference and transference in the theory of language contacts. *Language and culture, 9*: 182—186. (In Russ.).
- Korneva, V. V. (2017). Spanish phrasal punctuation marks against the background of Russian. In: *Comparative studies, 14*. Voronezh: Istoki Publ. 141—145. ISBN 978-5-4473-0143-9. (In Russ.).
- Kuznetsova, Yu. (2018). *How I write: in the creative kitchen of the author of children's books*. Moscow: KompasGid. 176 p. ISBN 978-5-00083-438-1. (In Russ.).
- Maloney, E. J. (2005). *Footnotes in fiction: a rhetorical approach. Dissertation*. Columbus: The Ohio State University. 197p.
- Millán, J. A. (2006). *Perdón, imposible. Guía para una puntuación más rica y consciente*. Barcelona: RBA Libros S. A. 165 p. ISBN 84-7871-773-0. (In Span.).
- Novikov, V. (2011). The future is already now. In: *Solo equality. Poems*. Moscow: New Literary Review. 7—12. ISBN 978-5-86793-900-7. (In Russ.).
- Pastukhova, L. S. (2017). *It's time to draw attention to punctuation marks, or Something about punctuation. 2nd ed.* Simferopol: N. Orianda. 160 p. ISBN 978-5-9909600-2-2. (In Russ.).
- Reiser, S. A. (1970). *Paleography and textual criticism of modern times*. Moscow: Prosveshchenie Publ. 336 p. (In Russ.).
- Ridao Rodrigo, S. (2021). Los signos de puntuación de la interrogación y la exclamación en la ortografía de la Real Academia Española: consideraciones didácticas e historiográficas. *Moenia. Revista Lucense de Lingüística & Literatura, 27*: 1—13. DOI: 10.15304/moenia.id7620. (In Span.).
- Schwarzkopf, B. S. (1988). *Modern Russian punctuation: the system and its functioning*. Moscow: Nauka. 192 p. ISBN 5-02-010873-1. (In Russ.).
- Sorokopud, L. N., Starchenko, T. E. (2020). Punctuation interference in the aspect of pragmalinguistics (Russian / Spanish). In: *National identity through the prism of the dialogue of cultures. Research in the field of humanities in the Ibero-American and Russian scientific space. Proceedings of the III International Congress*. Rostov-on-Don; Taganrog: SFU. 344—348. ISBN 978-5-9275-3672-6. (In Russ.).
- Turyan, M. A. (1996). Notes. In: *Motley tales*. Saint Petersburg: Nauka Publ. 169—201. ISBN 5-02-028204-9. (In Russ.).
- Vereshchinskaya, Yu. V., Syshchikova, E. S. (2023). Punctuation as a tool of communicative and semantic organization of the text: norm and usage (based on the material of the Spanish language). *Philological sciences at MGIMO, 9 (4)*: 8—25. DOI: 10.24833/2410-2423-2023-4-37-8-25. (In Russ.).
- Weinreich, U. (1979). *Language contacts: The state and problems of research*. Kiev: Vishcha shkola Publ. 263 p. (In Russ.).

*The article was submitted 07.08.2025;
approved after reviewing 26.11.2025;
accepted for publication 28.12.2025.*